

На правах рукописи

Сущин Михаил Александрович

**КОНЦЕПЦИЯ СИТУАТИВНОГО ПОЗНАНИЯ В КОГНИТИВНОЙ
НАУКЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность: 09.00.01 – онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2014

Работа выполнена в аспирантуре Государственного академического университета гуманитарных наук, в секторе теории познания Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии РАН

Научный руководитель:

академик РАН, доктор философских наук, профессор Лекторский Владислав Александрович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета Филатов Владимир Петрович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Драгалина-Черная Елена Григорьевна

Ведущая организация: кафедра философии Московского педагогического государственного университета

Защита состоится «__» декабря 2014 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д.002.015.03 Института философии РАН по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14/1, стр. 5, зал заседаний Ученого совета (к. 524)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН

Автореферат разослан «__» ноября 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, Труфанова Е.О.
кандидат философских наук

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Когнитивная наука – комплекс дисциплин, включающий в себя философию, когнитивную психологию, когнитивную лингвистику, когнитивную антропологию, когнитивные нейронауки и область искусственного интеллекта, вне всякого сомнения, является доминирующим направлением в современных исследованиях познания и когнитивных процессов. Фактически любое значимое исследование мозга (с точки зрения познавательных процессов), разума и познания сегодня проводится под эгидой когнитивной науки. По словам ведущего российского специалиста по когнитивной науке, психолога Б.М. Величковского значение когнитивных дисциплин в настоящий момент таково, что «Каждый, кто изучает познавательные возможности человека или просто интересуется особенностями «человеческого фактора», должен разбираться в том клубке идей, методов и фактов, который принято называть сегодня когнитивной наукой»¹.

За прошедшие почти 60 лет с момента так называемой «когнитивной революции» и порядка 40 лет со времени институционализации и оформления когнитивной науки как таковой когнитивное движение добилось зримого прогресса фактически в каждой из входящих в ее состав отдельных отраслей знания. В настоящее время активно развиваются и внедряются новые методы исследования мозга и нейробиологических основ познания, возникают новые модели и подходы в искусственном интеллекте, постоянно расширяется сфера практического применения когнитивных исследований в области техники и технических систем².

---

¹ Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 1. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. С. 10.

² Величковский Б.М. Когнитивные технические системы // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук / Отв. ред. Б.М. Величковский, В.Д. Соловьев. М.: Наука, 2008. С. 273–292.

В то же самое время когнитивную науку, как изначально междисциплинарный проект, всегда отличала не только столь свойственная всей современной науке тенденция к бесконечной дифференциации и дроблению исследований, методов, дисциплин и результатов, но и к их интеграции и объединению. Безусловно, важнейшую роль в этом процессе сыграло наличие своего рода общих теоретических моделей и исследовательских программ, задававших принципиальную концептуальную метафору для частных когнитивистских дисциплин и исследований, определявших их понятийный аппарат и методологию.

Для исторически первой разновидности когнитивной науки, оформившейся в 70-е годы XX века, такую функцию выполняло известное предположение, что познание и когнитивные процессы в своей основе являются разновидностью символического вычисления. Эта вычислительная гипотеза явным образом определяла большую часть конкретных исследований в философии, когнитивной психологии, когнитивной лингвистике или искусственном интеллекте, отдававшим, соответственно, приоритет методам формального моделирования и изучения абстрактных рациональных способностей человека (логических рассуждений, игры в шахматы), нежели, скажем, наглядным деталям воплощения когнитивных механизмов в мозге или робототехническом устройстве.

Однако на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с множеством проблем, противоречий и ограничений классической вычислительной парадигмы (наряду с другими подходами) возникло иное направление, в центре внимания которого оказались вопросы взаимодействия познающих субъектов с миром, исследования вклада телесной организации агентов в познание и поведение, а также темы восприятия, действия и соотношения перцептивно-моторных взаимосвязей.

При этом одновременно с конкретными эмпирическими исследованиями (в нейрофизиологии, искусственном интеллекте, когнитивной психологии и когнитивной антропологии) возникли попытки их философского осмысления и

концептуализации, стремившиеся дать некоторую обобщенную характеристику процесса познания в рамках нового подхода. Иначе говоря, появилась необходимость надлежащего теоретико-методологического анализа, призванного способствовать прояснению, систематизации и концептуальному оформлению конкретных эмпирических исследований. Таким образом возникла концепция «ситуативного познания», в критическом анализе и прояснении основных положений которой прежде всего состоит смысл и актуальность настоящей работы, как и других аналогичных исследований. Именно этим философское исследование сегодня может внести свой посильный вклад в развитие современной науки о познании.

Степень разработанности темы

Несмотря на вполне объяснимое стремление сторонников нового направления к новизне и оригинальности, парадигма «ситуативного познания» все же имеет свою философскую и научную предысторию. В действительности близкие современным дискуссиям вокруг «ситуативного познания» идеи и мотивы можно найти у очень многих крупных философов и ученых конца XIX – первой половины XX вв., включая А. Бергсона, У. Джеймса, Дж. Дьюи, М. Хайдеггера, Я. фон Иксюля, У. Росса Эшби, У. Грея Уолтера, Н.А. Бернштейна, Л.С. Выготского и др., хотя и считается, что ключевыми классическими фигурами, стоявшими у истоков этого направления, были французский феноменолог М. Мерло-Понти³ и американский психолог Дж. Дж. Гибсон⁴.

Что касается непосредственно современной литературы, то наибольшее влияние на развитие концепции «ситуативного и воплощенного познания» оказали работы чилийского нейробиолога Ф. Варелы (написанные в

---

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: «Ювента» «Наука», 1999.

⁴ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.

соавторстве с философом Э. Томпсоном, психологом Э. Рош⁵ и биологом У. Матураной⁶), исследования авторитетного австралийского робототехника Р. Брукса⁷, являющегося одной из ключевых фигур в современном искусственном интеллекте, а также труды известного американского лингвиста Дж. Лакоффа и его соавторов⁸.

Большое влияние на разработку базовых в рамках нового подхода представлений о связи организмов со средой оказал так называемый «динамический подход к познанию» (приложение теории динамических систем к когнитивным процессам), зафиксированный в работах таких авторов, как Т. ван Гельдер, Р. Порт⁹ и Р. Бир¹⁰, а также восходящее к Я. фон Иксюлю, У. Россу Эшби, У. Грью Уолтеру «поведенческое» и «биологически вдохновленное» направление в искусственном интеллекте, представленное в произведениях того же Р. Брукса и др.¹¹ В отечественной литературе в близком ключе эта тема обсуждалась в работах специалистов по искусственному интеллекту М.Г. Гаазе-Рапопорта и Д.А. Поспелова¹², и уже в контексте современных исследований – в недавней работе В.Г. Редько¹³.

Стимулированная произведениями Мерло-Понти, Гибсона и Варелы важная для «ситуативного подхода» проблема отношения восприятия и действия исследовалась в работах П. Черчленд, В. Рамачандрана и Т.

---

⁵ *Varela F., Thompson E., Rosch E.* The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1991.

⁶ *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁷ *Brooks R.* Cambrian Intelligence: The Early History of the New AI. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book/The MIT Press, 1999.

⁸ *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. New York: Basic Books, 1999.

⁹ *van Gelder T., Port R.* It's About Time: An Overview of the Dynamical Approach to Cognition // *Mind as Motion: Explorations in the Dynamics of Cognition* / Eds. van Gelder T., Port R. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1995. P. 1–43.

¹⁰ *Chiel H., Beer R.* The brain has a body: Adaptive behavior emerges from interactions of nervous system, body and environment // *Trends in Neurosciences*. 1997. Vol. 20. № 12. P. 553–557.

¹¹ *Meyer J.-A., Wilson S.* Animat // *Scholarpedia*. 2009. Vol. 4. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://scholarpedia.org/article/Animat> (дата обращения: 7.7.2014).

¹² *Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А.* От амебы до робота: модели поведения. М.: Наука, 1987.

¹³ *Редько В.Г.* Эволюция, нейронные сети, интеллект. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2013.

Сейновски¹⁴, Дж. Риццолатти¹⁵, Д. Милнера и М. Гудейла¹⁶ и ряда других авторов¹⁷, хотя и нужно отметить, что этой же теме был уделено немало внимания в классических трудах многих видных отечественных психологов и физиологов: А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, Н.А. Бернштейна, Е.Н. Соколова.

Философское и концептуальное обрамление парадигмы «ситуативного и воплощенного познания» представлено в работах философов Э. Кларка¹⁸ и Дж. Хогелэнда¹⁹. Применение «ситуативной установки» к миру социокультурных явлений было осуществлено в фундаментальной монографии американского антрополога-когнитивиста Э. Хатчинса²⁰. Именно на эту работу, а также на классические исследования Л.С. Выготского²¹ мы преимущественно опирались при рассмотрении возможности и перспектив культурно-ориентированной когнитивной науки. Наконец, острая критика возникшего подхода была дана в известной обзорной работе психолога М. Уилсон²².

Далее, ввиду того, что концепция «ситуативного и воплощенного познания» является относительно новым направлением в современных исследованиях познания, она практически не получила специального освещения в русскоязычной философской литературе. Исключение составляют

---

¹⁴ Churchland P.S., Ramachandran V.S., Sejnowski T.J. A Critique of Pure Vision // Large-Scale Neuronal Theories of the Brain / Eds. C. Koch, J.L. Davis. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book/The MIT Press, 1994. P. 23–60.

¹⁵ Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.

¹⁶ Милнер Д., Гудейл М. Зрительный мозг в действии // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В.Ф. Спиридонова и М.В. Фаликман. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 109–121.

¹⁷ Ноэ А. Является ли видимый мир великой иллюзией? // Логос. 2014. № 1. С. 61–78.

¹⁸ Clark A. Being There: Putting Bain, Body and World Together Again. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book/The MIT Press, 1998.

¹⁹ Haugeland J. Having Thought: Essays in the Metaphysics of Mind. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press. 1998. P. 207–237.

²⁰ Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Massachusetts, London, England: A Bradford Book/The MIT Press, 1995.

²¹ Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. Научное наследство / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.

²² Wilson M. Six Views of Embodied Cognition // Psychonomic Bulletin & Review. 2002. Vol. 9. № 4. P. 625–636.

исследования Е.Н. Князевой, развивающей темы «воплощенного»²³ и «энактивного»²⁴ познания, а также В.А. Лекторского²⁵, в первую очередь, акцентирующего внимание на связи теорий современных когнитивистов и идей классиков отечественной философии и психологии: Э.В. Ильенкова, С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева. Также теме «ситуативного и воплощенного познания» было уделено определенное внимание во втором томе фундаментальной работы Б.М. Величковского «Когнитивная наука»²⁶, фактически единственного на текущий момент существующего на русском языке полноценного всестороннего исследования истории, методологии, основных принципов, подходов и перспектив современной когнитивной науки, хотя и, конечно, обсуждения отдельных связанных преимущественно с историческим контекстом когнитивного движения аспектов могут быть найдены в бесчисленных работах по истории философии и психологии.

Нужно также сказать, что в своей работе мы, разумеется, не могли претендовать на исчерпывающий обзор всей означенной области, и едва ли вообще в рамках единичного исследования можно охватить всю существующую литературу по «ситуативному познанию». Поэтому естественный путь для нас состоял в ориентации на наиболее значимые и известные работы.

Цель исследования

На комплексном междисциплинарном материале современных исследований в философии когнитивной науки, психологии, нейрофизиологии,

---

²³ *Алюшин А.Л., Князева Е.Н.* Телесный подход в когнитивной науке // *Философские науки.* 2009. № 2. С. 106–125.

Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011.

²⁴ *Князева Е.Н.* Телесное и энактивное познание: новая исследовательская программа в эпистемологии // *Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский; отв. секр. Е.О. Труфанова.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 315–351. *Князева Е.Н.* Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // *Вопросы философии.* 2013. № 10. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=835&Itemid=52 (дата обращения: 19.08.2014).

²⁵ *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 264–280.

²⁶ *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – Т. 2. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. С. 319–335.

теории искусственного интеллекта и когнитивной антропологии выявить и критически проанализировать основные положения концепции «ситуативного познания».

Задачи исследования

Для достижения поставленной цели были определены следующие ключевые задачи диссертационного исследования:

1) Реконструировать становление, историю и основные принципы классической вычислительной когнитивной науки. Обозначить ряд принципиальных проблем этого направления; показать, как ограничения вычислительного когнитивизма привели к оформлению «ситуативного подхода».

2) Реконструировать и критически проанализировать основные идеи, принципы и модели концепции «ситуативного познания». Раскрыть исторический фон этого направления, показать связь современных идей с классическими философскими и научными концепциями таких авторов, как М. Мерло-Понти, Дж. Дж. Гибсон, У. Грей Уолтер, Дж. Дьюи, Л.С. Выготский.

3) Рассмотреть постулированную в связи с «ситуативным подходом» возможность «социально распределенного» и «расширенного познания». Выявить основные проблемы и противоречия этого взгляда на познание, показать общность современных концепций с классическими идеями В. Вундта, Г. Саймона, К. Поппера, Э.В. Ильенкова.

4) Рассмотреть необходимость изучения в рамках современных когнитивных наук проблемы культуры и ее влияния на человеческий разум, познание и поведение.

5) Показать, что возможные пути культурно-ориентированных когнитивных исследований могут быть связаны с идущей от произведений Л.С. Выготского культурно-исторической теорией. В этом же контексте показать актуальность и современное значение работ самого Л.С. Выготского.

Объектом настоящего исследования является концепция «ситуативного познания» в когнитивной науке.

Предметом исследования являются теоретико-методологические аспекты исследования роли физической и социокультурной среды в познании.

Научная новизна исследования

1) Впервые в русскоязычной литературе проведен комплексный философско-методологический анализ одного из ведущих теоретических подходов в современной когнитивной науке.

2) Уточнены и систематизированы формулировки основных принципов концепции «ситуативного познания». Выявлены ограничения понимания познания как «ситуативной» и «воплощенной» активности. Показана связь современных представлений и концепций философских и научных предшественников «ситуативного подхода». Показано значение языка для понимания познания как «автономного» процесса.

3) Критически проанализирована перспектива «расширенного познания», показана ограниченность аргументации в пользу идеи «социально распределенного познания».

4) Вместо гипотезы «расширенного познания» выдвинуты аргументы в пользу изучения культуры в рамках современных когнитивных исследований в тесной связи с «ситуативным подходом» и продемонстрирована актуальность и современное значение теории Л.С. Выготского для проблематизации культуры в рамках когнитивной науки.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в обсуждение актуальных философско-методологических проблем современной когнитивной науки. Представленные выводы о ведущей роли языка в формировании автономного высокоуровневого познания человека призваны стимулировать дальнейшую разработку продуктивных моделей «ситуативного

подхода». Кроме того, аргументы о необходимости изучения культуры в рамках когнитивной науки и значимости в этом контексте культурно-исторической теории Л.С. Выготского могут быть использованы при построении конкретных вариантов культурно-ориентированных когнитивных подходов.

Материалы диссертационного исследования прежде всего могут использоваться в курсах лекций по теории познания, философии науки, а также спецкурсе «введение в когнитивную науку» и для составления методических пособий по этим дисциплинам.

Теоретико-методологическая база

В диссертации использовались традиционные для философского исследования методологические стратегии и приемы – методы исторической реконструкции и концептуального анализа, метод выдвижения и обоснования тезисов и гипотез – которые варьировались в зависимости от специфики рассматриваемых вопросов.

Так, при освещении темы истории возникновения вычислительного подхода и самой когнитивной науки, а также при рассмотрении классических концепций Дж. Дж. Гибсона, В. Вундта, К. Поппера, Э.В. Ильенкова, Л.С. Выготского и др. мы опирались прежде всего на метод исторической реконструкции научных и философских теорий.

При исследовании ключевых положений концепции «ситуативного познания», а также гипотез «расширенного» и «социально распределенного» познания главным выступал классический метод концептуального анализа, позволивший выделить основные теоретические проблемы и ограничения этих подходов.

В заключительной главе был выдвинут тезис о необходимости изучения культуры в рамках современной когнитивной науки и представлен ряд аргументов в его поддержку, а также сформулирована гипотеза о возможности

интеграции культурно-ориентированных когнитивных исследований и культурно-исторической теории Л.С. Выготского.

Положения, выносимые на защиту:

1) Познание является «ситуативным» и «воплощенным» процессом, поскольку свойства и функционирование разума/мозга/нервной системы существенным образом определены особенностями телесной организации познающих субъектов, а также их «встроенностью» в физическую и, в случае человека, сложную социокультурную среду. Только благодаря непосредственной связи с реальным миром при помощи механизмов восприятия и действия возможно формирование первичных низкоуровневых «знаний» и «значений», необходимых для развития высокоуровневого интеллектуального поведения.

2) В то же самое время функции познавательных процессов не могут быть описаны исключительно в терминах взаимодействия с текущими, наличными в данный момент ситуациями внешнего мира – когнитивные процессы также являются «автономными». У человека ключевую роль в формировании высокоуровневого «автономного» познания играет язык.

3) Таким же образом некорректной является точка зрения, что восприятие существует только для обеспечения и контроля действий и моторных актов. Восприятие необходимо для комплексного адаптивного поведения, что включает в себя и распознавание объектов и ситуаций внешнего мира, и непосредственный моторный контроль.

4) Постулированная в тесной связи с «ситуативным подходом» в когнитивной науке так называемая перспектива «расширенного разума и познания», согласно которой релевантные когнитивным процессам аспекты среды могут составлять часть когнитивных систем, является теоретически и методологически несостоятельной. Традиционная когнитивистская метафора «познание как вычисление» оказывается недостаточной для обоснования

утверждения о том, что познание может быть понято как распределенная активность сложных социокультурных систем.

5) Когнитивная наука – в области теории когнитивной эволюции человека, психологии индивидуального развития – нуждается в корректном подходе к осмыслению влияний социокультурного окружения на человеческое познание. Возможные пути современных культурно-ориентированных когнитивных исследований могут быть связаны с идущей от работ Л.С. Выготского культурно-исторической психологией.

Апробация работы

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора теории познания Института философии Российской Академии наук 23 сентября 2014 г.

Основные результаты исследования нашли отражение в научных публикациях автора по теме диссертации.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

2. Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень ее научной разработанности, определяются цель и задачи исследования, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретико-методологические основания, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава – **«Ситуативный подход в когнитивной науке: общие постулаты и принципы»** – посвящена рассмотрению и критическому анализу основных программных положений концепции «ситуативного познания» в когнитивной науке, а также историческим предпосылкам ее возникновения.

В первом параграфе – **«Вычислительные модели разума и познания в когнитивной науке»** – проводится реконструкция становления и развития исторически первой разновидности когнитивной науки, основывавшейся на предположении о том, что познание является разновидностью символического вычисления. Рассматривается генезис этой идеи, начиная от возникновения математической теории вычислимости (на примере концепции А. Тьюринга), кибернетики, общей теории информации, инженерной и когнитивной психологии (У. Найссер) и антибихевиористской теории языка Н. Хомского.

В качестве примера для детального рассмотрения была выбрана классическая вычислительная теория зрения британского нейрофизиолога Д. Марра, постулировавшая, что зрение является вычислительным процессом решения задач распознавания объектов и ситуаций, а также что исследование процессов обработки информации естественными (мозгом, ЦНС) и искусственными системами (ЭВМ, иными вычислительными артефактами) должно идти на трех уровнях (вычислительная задача/система репрезентации и алгоритма/физическая реализация), из которых верхний уровень информационной теории является приоритетным.

В параграфе показывается, что ограничения классического вычислительного когнитивизма и искусственного интеллекта (ИИ) в области моделирования и объяснения филогенетически первичных перцептивно-моторных способностей, а также совокупность общетеоретических проблем, связанных с понятием вычисления в приложении к когнитивным процессам (прежде всего в связи с т.н. проблемой «заземления символов»), привели к возникновению «ситуативного подхода» в современной когнитивистике.

Во втором параграфе – **«Познание как «ситуативная активность» – ключевой принцип «ситуативного подхода» в когнитивной науке»** – критически анализируется непосредственно главная идея концепции «ситуативного познания», идея о том, что фундаментальной характеристикой когнитивных процессов является не способность к внутренней, изолированной от внешнего мира обработке символьных структур/ментальных репрезентаций (классическая когнитивная наука, ИИ), а умение адекватно взаимодействовать с текущими динамически меняющимися ситуациями реального мира.

Показывается, что идеи «ситуативности» и «воплощения» выступали в качестве конкретной теоретико-методологической основы для современных «поведенческих» и «биологически вдохновленных» исследований в области искусственного интеллекта, прежде всего для концепции «поведенческой робототехники» Р. Брукса, смысл которой состоял в построении мобильных и поведенчески автономных роботов на базе простой слоеной биологически подобной перцептивно-моторной архитектуры.

В конце параграфа отмечаются ограничения односторонней «ситуативной установки» в отношении природы когнитивных феноменов, главное из которых состоит в том, что познание не может быть понято исключительно в терминах взаимодействия с текущей средой – когнитивные процессы (и у человека, и у животных) также являются автономными.

В третьем параграфе – **«Проблема связи восприятия и действия»** – исследуется важная для программы «ситуативного/воплощенного познания» проблема отношения восприятия к действию и поведенческой активности

субъектов. Показывается связь современных подходов к разработке проблемы и теорий классиков мировой (А. Бергсон, М. Мерло-Понти, Ф. Варела) и отечественной (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, Н.А. Бернштейн, Е.Н. Соколов) философии и науки.

Особое внимание уделяется экологической концепции восприятия Дж. Дж. Гибсона. Рассматривается, как благодаря постулированному им учению о «возможностях» и «зрительной кинестезии» Дж. Дж. Гибсон обосновывал утверждение о принципиальной связи и взаимозависимости восприятия и двигательной активности.

В основной части главы анализируются непосредственно аргументы и доводы сторонников идеи тесной кооперации восприятия и моторики: аргумент П. Черчленд, В. Рамачандрана и Т. Сейновски от эволюционной необходимости восприятия, идея «зрительных полумиров» («частичных репрезентаций»), а также современные нейрофизиологические исследования (Дж. Риццолатти и др.), постулировавшие наличие тесных связей между системами восприятия и действия в мозге приматов и человека. Дается критическая оценка этих аргументов, делается вывод о принципиальной совместимости поведенческих представлений о восприятии и более ранних вычислительных концепций перцептивного формирования моделей и образов действительности.

Наконец, в параграфе обосновывается подход к решению проблемы, предложенный британскими нейрофизиологами Д. Милнером и М. Гудейлом, заключающийся в проведении анатомически-функционального различения между системами «восприятия для распознавания» (т.н. «вентральная система») и «восприятия для немедленного моторного контроля» («дорзальная система»), которое, на наш взгляд, позволяет значительно ослабить традиционную оппозицию «восприятия для восприятия» и «восприятия для действия».

В четвертом параграфе – **«Телесная обусловленность познания, предшественники «ситуативного подхода», краткое подведение итогов»** – кратко рассматривается другая основополагающая для «ситуативного познания» идея – идея «воплощения», или телесной обусловленности познания.

Выделяется несколько смыслов, в которых понятие воплощения используется в современных когнитивных исследованиях (как минимум, в контексте решения проблемы «заземления символов», как инструмент наглядной проверки гипотез о поведении адаптивных агентов и как важный источник самого адаптивного поведения), подчеркивается связь концепции «воплощенного разума» Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош и идей классика феноменологической философии М. Мерло-Понти. В этой же связи еще раз затрагивается вопрос о предшественниках концепции «ситуативного познания» и кратко рассматриваются ранние идеи Дж. Дьюи.

В конце главы подводятся промежуточные итоги, подчеркиваются основные затруднения «ситуативного подхода к познанию» и формулируется гипотеза, что у человека ведущую роль в формировании высокоуровневого неситуативного познания играет язык.

Во второй главе – **«Перспектива «социально распределенного» и «расширенного» познания»** – анализируются близкие «ситуативной парадигме» и иногда ассоциируемые с ней современные внеиндивидуалистические концепции познания – концепция «социально распределенного познания» антрополога-когнитивиста Э. Хатчинса и идея «расширенного познания» философов Э. Кларка и Д. Чалмерса.

В первом параграфе – **«Точка зрения «расширенного» и «социально распределенного» познания: предыстория, содержание, обоснование»** – решается несколько задач. Прежде всего эксплицируется исторический фон этого направления и рассматриваются классические внеиндивидуалистические теории познания/знания: концепция «эпистемологии без субъекта знания» К. Поппера, концепция «идеального» Э. Ильенкова, теория психологии народов В. Вундта. Делается вывод о тотальном доминировании индивидуализма в современной когнитивной науке, т.е. точки зрения, что когнитивные процессы, познание и знание связаны исключительно с деятельностью индивидуальных субъектов и их разума/мозга/нервной системы/биологического тела.

Далее анализируется непосредственно первая получившая известность современная внеиндивидуалистическая концепция познания – теория «социально распределенного познания» антрополога Э. Хатчинса, в центре внимания которой находится изучение так называемых коллективных агентов и систем познания. Базовая гипотеза подхода Хатчинса состоит в том, что познание может быть понято как распределенная активность сложных социокультурных систем, подобных экипажам современных военных морских судов, самолетов (как и, возможно, некоторых других социальных систем).

Для обоснования своего утверждения Э. Хатчинс использовал традиционную концептуальную метафору классической когнитивной науки («познание как вычисление») и трехуровневую схему анализа сложных систем обработки информации Д. Марра, стремясь показать, что понятие вычисления может быть применено не только к изучению индивидуальных когнитивных процессов, но и к анализу такой сложной коллективной социокультурной активности, как современное морское навигационное вычисление.

Наконец, в параграфе эксплицируется содержание и аргументация в пользу еще более радикальной и широко обсуждаемой в последнее время в философии сознания и когнитивной науке позиции, сформулированной философами Э. Кларком и Д. Чалмерсом, согласно которой определенные аспекты физической и социокультурной среды («интеллектуальные артефакты» наподобие компьютеров, записных книжек и т.п.) могут составлять часть биологически основанных когнитивных систем, формируя таким образом единые «расширенные» системы. В параграфе обсуждаются два мысленных эксперимента, выдвинутых в поддержку этой точки зрения.

Второй параграф – **«Несостоятельность теории «расширенного познания», проблемы концепции «социально распределенного познания»** – посвящен детальному критическому разбору теорий Э. Кларка и Э. Хатчинса.

Первым обсуждается подход Э. Кларка и Д. Чалмерса. Показывается, что при внимательном рассмотрении эта теория неизбежно сталкивается с целым рядом серьезных теоретических проблем (проблема т.н. «информационной

интеграции» когнитивных процессов, проблема границ «расширенного» когнитивного субъекта) и оказывается неприемлемой в качестве конкретной методологической стратегии для современных когнитивных дисциплин в силу невозможности изучать в рамках единой перспективы условные системы типа «человек плюс артефакт». Таким образом, формулируется заключение о теоретической и методологической неудовлетворительности теории «расширенного разума и познания».

Также в параграфе делается вывод, что, хотя традиционная вычислительная метафора раннего когнитивизма и может быть применена к анализу операций сложных социокультурных систем, все же ее оказывается недостаточно для обоснования гипотезы, что познание может быть понято как «социально распределенный процесс», поскольку существуют большие различия в способах и организации обработки информации индивидуальными, техническими и социальными системами (последним, как указывает В.А. Лекторский, нельзя приписывать субъективные переживания, у них отсутствует структура Я и т.д.).

Вместе с тем из рассмотрения концепций Э. Хатчинса и Э. Кларка делается и позитивный вывод, а именно что человеческое познание является в фундаментальном смысле культурным феноменом и что проблема культуры заслуживает тесного внимания со стороны современной науки о познании.

В третьей главе – **«Социокультурная обусловленность познания и когнитивная наука»** – рассматриваются методологические трудности, связанные с исследованиями роли социокультурной среды в познании в рамках современной когнитивной науки, и обсуждаются возможные перспективы таких исследований.

Первый параграф – **«Необходимость учитывать фактор культуры в современных исследованиях познания»** – посвящен основным методологическим проблемам, которые могли бы препятствовать развитию культурно-ориентированных теорий в когнитивной науке. Первое и основное затруднение, о котором идет речь, заключается в том, что проблема культуры,

как утверждается, не является релевантной целям когнитивной науки не потому, что социум или культура не оказывают никакого влияния на познание и разум, а потому, что это влияние, согласно предположению, осуществляется сквозь призму неких гипотетических биологически заданных и общих для всех людей универсальных когнитивных механизмов и структур («когнитивных универсалий»), которые, соответственно, и должны быть надлежащим объектом интереса со стороны психологов, лингвистов и т.д.

Показывается, что эта установка восходит к истокам развития современной научной психологии как таковой (М. Коул, Дж. Брунер). Формулируется контрдовод, что культурное воздействие на разум и познание не просто преломляется сквозь призму неких «когнитивных универсалий», но и само активным образом формирует специфически человеческие когнитивные структуры и механизмы.

Также в параграфе поднимается и вторая важная для культурно-ориентированных когнитивных подходов методологическая проблема, а именно что проблематизация культуры в современных исследованиях познания могла бы излишне усложнить задачу и без того проблематичным областям когнитивной науки и что ее (равно как и, по замечанию Х. Гарднера, идею истории, проблемы контекста и эмоций) стоило бы оставить в стороне до тех пор, пока не будет достигнуто хорошее понимание индивидуального познания. Данная проблема рассматривается в заключительном параграфе диссертации.

Наконец, во втором параграфе – **«Возможные пути культурно-ориентированной когнитивной науки»** – исследуются перспективы и возможные концептуальные облики современных культурно-ориентированных концепций в когнитивной науке.

Прежде всего в параграфе рассматривается восходящая к представлениям Л.С. Выготского о «зоне ближайшего развития» и разработанная на современной основе Дж. Брунером, Э. Кларком и др. концепция т.н. «поддержанного средой познания» (англ. «scaffolded cognition»), согласно которой человеческие социум и культура, подобно строительным лесам,

поддерживают и направляют индивидуальное познание и поведение, позволяя ему далее совершенствоваться сами «социокультурные леса» (в филогенезе и истории) и т.д. В этой связи обсуждаются идеи Э. Кларка о языке как «абсолютном артефакте» и теория «когнитивной экологии» навигационных (и культурных вообще) инструментов и артефактов Э. Хатчинса.

Формулируется гипотеза, что теория «поддержанного средой познания» могла бы быть рассмотрена в рамках более целостной и систематичной концепции отношения познания и культуры, а именно идущей от работ Л.С. Выготского «культурно-исторической теории» (или «культурно-исторической психологии»). Поэтому в оставшейся части параграфа освещаются ключевые идеи теории развития высших психических функций Л.С. Выготского, подчеркивается актуальность его учения о планирующей и организующей функции речи для современных дискуссий вокруг «ситуативного познания». Показывается значение идей Выготского для теорий таких современных авторов, как Дж. Брунер, Э. Кларк, М. Коул, М. Томаселло и др.

Наконец, делается вывод о невозможности достижения хорошего понимания индивидуального познания без учета влияний культурного контекста, утверждается, что тесно связанные с проблемой развития области когнитивной науки – теория когнитивной эволюции человека, психология индивидуального развития – нуждаются в корректном подходе к осмыслению роли культуры в человеческом познании.

В **Заключении** кратко суммируются все основные рассуждения и идеи, представляются результаты и выводы исследования.

Статьи автора по теме диссертации, опубликованные в ведущих научных журналах из списка ВАК РФ:

1. Сущин М.А. Где находятся убеждения Отто? О концепции расширенной психики // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 166–174. – 1,0 а.л.
2. Сущин М.А. Проблема восприятия и действия в современных когнитивных исследованиях // Философские науки. 2014. № 4. С. 130–141. – 0,9 а.л.
3. Сущин М.А. Концепция «ситуативного познания» в когнитивной науке: критический обзор // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 50–58. – 0,8 а.л.